

«БИАРМИЯ» К. Ф. ЖАКОВА В ПЕРЕВОДЕ НА КОМИ ЯЗЫК: образ Вэрморта

ОСТАПОВА Елена Васильевна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской филологии
и национального образования ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет имени Питиурима Сорокина»
(г. Сыктывкар, РФ), ost-1966@yandex.ru*

Введение. Ставится проблема адекватности перевода книжной формы литературного эпоса К. Ф. Жакова «Биармия» на коми язык на примере структуры имени одного из главных героев произведения Вэрморта. Актуальность работы обосновывается прежде всего отсутствием научных исследований данной проблемы, необходимостью выявления переводческих трансформаций при интерпретации текста, а также особенностей рецепции произведения при чтении на русском и коми языках. Теоретическая и практическая значимость работы состоит в развитии переводоведческого направления как в региональной филологии, так и в финно-угроведении в целом. Новизна исследования заключается в том, что впервые анализируется адекватность перевода на коми язык произведения К. Ф. Жакова «Биармия» на примере образа Вэрморта. Объект исследования – произведение К. Ф. Жакова «Биармия»; предмет исследования – особенности перевода образа Вэрморта на коми язык. Цель – выявление переводческих трансформаций образа.

Материалы и методы. Основной метод исследования – сравнительно-сопоставительный с применением элементов статистического метода. При этом понятие перевода тесно связано с понятием интерпретации текста на другом языке.

Результаты исследования и их обсуждение. Особая роль в оригинале принадлежит эпитетам и эмотивным перифразам, маркирующим магические функции образа певца-сказителя. Перевод на коми язык имени героя характеризуется краткостью, немногословностью. Замены и опущения приводят к сужению художественной функции образа Вэрморта. В оригинальном произведении в образе Вэрморта как певца-сказителя маркируются и оцениваются его магические свойства, в переводном же в основном лаконично подчеркивается его песенно-поэтический дар.

Заключение. Полученные результаты позволяют внести необходимые уточнения в определение жанра рассматриваемого произведения. Дальнейший всесторонний сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода как данного литературного эпоса, так и литературных эпосов финно-угорских народов позволит выработать наиболее приемлемые переводческие решения. Настоящая работа может служить для развития компаративистики при анализе книжных форм эпосов.

Ключевые слова: коми литературный эпос; перевод; структура имени; перифразы; сужение образа.

Для цитирования: Остапова Е. В. «Биармия» К. Ф. Жакова в переводе на коми язык: образ Вэрморта // Финно-угорский мир. 2017. № 1. С. 59–63.

В 1916 г. произошло одно из самых удивительных событий в истории коми культуры – Каллистрат Фалалеевич Жаков завершил разработку «мифологической модели мира коми-зырян» и создал «Биармию». «Ни сюжет поэмы, ни образы героев не имеют аналогов в коми фольклоре, они придуманы Жаковым, но они также не противоречат фольклору, поскольку придуманы с учетом принципов фольклорной поэтики» [6, 391]. «В годы советской власти на протяжении почти 70 лет имя К. Ф. Жакова было вычеркнуто из живого употребления, произведения запрещены

на его родине» [7, 5], поэтому сочинение, в идеализированном мифопоэтическом ключе повествующее о древнем мире коми-зырян, нашло своего читателя лишь в конце XX в.

1993 год ознаменовался литературным событием, значение которого трудно переоценить, – выходом в свет книги на русском и коми языках [2]. «Биармия», написанная на русском языке и мастерски переведенная на коми язык современным коми поэтом Михаилом Андреевичем Елькиным, стала настоящим откровением для коми читателя. Сразу после публикации произведение на коми

языке было включено в школьные учебники и хрестоматии, в программу вузовского курса «История коми литературы». Можно считать, что «цель Жакова – не просто написать поэму о прошлом, а попытаться восстановить утраченный коми-зырянский эпос» [6, 391] – соответствовала давним ожиданиям читателей, писателей, работников культуры и образования. «Произведение стало одним из наиболее цитируемых, лидирующих по частотности в трудах исследователей коми литературы» [8, 11].

Определение жанра «Биармии» вызывает трудности. В названии книги 1993 г. составителем А. К. Микушевым написано: «Биармия: Коми литературный эпос». А. Е. Ванеев, В. И. Мартынов и В. А. Латышева в основном используют термин «поэма», хотя иногда в одной и той же статье встречаются обе дефиниции, словно подразумевая, что литературный эпос – высшая ступень жанра поэмы. «В чем-то эта поэма близка к героическим. Привлекательна, человечна глубокая эмоциональность лироэпического произведения. Она делает Жакова создателем произведения нового жанра – экспрессивной по своему общему настроению лирической поэмы» [4, 126]. При этом в работах П. Ф. Лимерова и Е. К. Созиной используются термины «эпическая поэма», «эпический рассказ/песня», «литературный эпос».

Это обстоятельство наложило отпечаток и на процесс перевода, и на читательскую рецепцию. Смеем предположить, что большинство коми читателей, будучи школьниками, студентами, работниками образования и культуры, впервые познакомились с данным произведением именно на коми языке. Таким образом, первоначальная читательская интерпретация «Биармии» и ее принятие как текста коми культуры произошли в переводном варианте. Однако рецепция – не единичное событие, это сложный, неоднозначный и многоэтапный процесс. В настоящее время в силу ряда причин ощущается усиление интереса коми читателей к оригиналу. В связи с этим акту-

ализируется вопрос о рассмотрении переводческой интерпретации.

В числе первых критиков перевода были Латышева и Ванеев. Оценка Латышевой кратка и красноречива: «М. Елькин шемöсмöдіс К. Жаковлысь «Биармия» поэма бура комиöдöмön» («Елькин изумил хорошим переводом на коми язык поэмы К. Жакова “Биармия”») [5, 102]. Ванеев дает переводу более полную характеристику. Считаю нужным привести отрывок из его работы: «Образы “пурпур песен” и “изумруд сказаний” нельзя перевести буквально, дословно. Если бы было так переведено, то коми произведение не получилось бы, все эти “пурпуры” и “изумруды”, “рубины” и “халцедоны” М. Елькин заменил “драгоценными камнями”. И очень хорошо сделал. Скажем, монолог Райды о своем детстве дан в жанре лирической песни, и так хорошо получилось, словно его по-коми писали, а не переводным произведением.

В переводе на коми язык есть также места, где вместо четырех строк Жакова М. Елькин делает три или даже две строки. Но из-за этого я не стану корить переводчика. В большинстве случаев такие сокращения не портят произведение, а добавляют художественной силы, темпа действию. Однако в переводе поэмы действительно имеются “облегчающие моменты”: вместо “ягель-нитш” (ягельмох) можно и должно было быть сказано “яла-нитш”, вместо “море” – “саридз”, вместо “самоеды” – “яранъяс” (так коми называли ненцев раньше да и теперь тоже).

И все же мне по сердцу интонация переведенной Елькиным поэмы: и понятно, и вместе с тем не отступил от поэзии. Я поздравляю своего младшего товарища с получением Государственной премии Республики Коми и желаю ему в дальнейшем твердой поступи» [1, 245–246] (перевод наш. – Е. О.).

Итак, Ванеев отмечает краткость, динамичность и поэтичность перевода. В целом сочинение Жакова, подобно народному эпосу, строится из песен. А. Ю. Котылев весьма убедительно рас-

крывает принцип матрешки в песенной структуре произведения [3, 316–321]. Значительная роль при этом отведена образу Вэрморта, хотя «ипостасей певца и сказителя в “Биармии” еще больше» [6, 398].

Имя «Вэрморт» образовано слиянием двух коми слов: *вѳр* «лес», *морт* «человек», что в переводе значит «человек леса». Вэрморт хранитель древнего знания, воспевающий мир и гармонию. Его пение и игра на домбре обладают волшебным даром усыплять и пробуждать людей. Они сопровождают почти все события, описанные в произведении, охватывая прошлое и настоящее. Заметим, что имена героев здесь, как и во многих других сочинениях Жакова, содержат коми дискурс, чем экзотичны и мистифицированы для русского читателя. Для коми читателя с первого знакомства они понятны, но, скорее, в ассоциативном и информативном аспекте, так как для постижения их художественно-философского смысла необходимо глубокое погружение в текст. В то же время вкрапления в русскую речь коми (или стилизованных под коми) лексем, имен, фреймов, и для русского, и для коми читателя обеспечивают эффект неожиданности, однако, видимо, по-разному. На это обратил внимание М. Елькин в одном из интервью: “...кѳть и рѳчѳн гижѳма, тѳдчѳ мѳвпсѳмыс коми мортлѳн” («...хотя и написано по-русски, чувствуется мышление коми человека» [9, 98].

В оригинале и переводе поэмы-эпоса «Биармия» особого внимания, по нашему мнению, достойно рассмотрение структуры имени Вэрморта как носителя эмотивно-оценочной информации о картине созданного художественного мира.

В оригинале имя Вэрморта почти каждый раз уточняется приложением, выраженным перифразами: «Вэрморт, игрок великий», «Вэрморт, кудесник славный», «Вэрморт-кудесник», «Вэрморт-волшебник», «Вэрморт-песнопевец», «тун-старик» и др. Приведем примеры из текстов:

Ты, *Вэрморт, игрок великий* [2, 35].
Тэ, *Вѳрморт, бур сьылысь-ворсысь* [2, 195].
(«Ты, *Вэрморт, хороший певец-игрок*»).

Много раз встречаются тавтологические конструкции, в которых первое слово коми *тун* со значением «пророк, волшебник, колдун», а второе – русское с таким же либо близким значением: «тун-кудесник», «тун-волшебник». Например:

Посредине – *тун-волшебник*,
Чаровник и сердцеведец,
Музыкант Вэрморт прекрасный [2, 38].
И *Вѳрморт* тшѳтш накѳд пыжас,
Бѳджыд сѳма сьылысь-ворсысь [2, 197].
(«И *Вэрморт* также с ними в лодке,
Большого умения певец-игрок»).

Образ героя раскрывается распространённым эпитетом в несколько стихов, где каждый последующий стих описывает новые нюансы, связанные с его певческим и магическим талантом:

И *Вэрморт, игрок великий*,
Струн оленьих волнователь,
Песнопевец несравненный [2, 46].
И *Вѳрморт* тшѳтш пыжас накѳд,
Ордас сигудѳксѳ кутѳ,
Бѳджыд сѳма сьылысь-ворсысь [2, 204].
(«И *Вэрморт* также в лодке с ними,
При себе держит сигудѳк,
Большого умения певец-игрок»).

Анализ частотности использования данного художественного приема показывает, что чаще всего встречаются перифраза «игрок великий» (больше 40 раз), отдельно эпитет «великий» (больше 45 раз). Кудесником герой назван 22 раза, туном – 15, волшебником – 7 раз. Кроме того, впереди или после имени стоят субстантивированные эпитеты-перифразы: заклинатель, приворожник, обаятель, чаровник, пророк, чародей, чрево вещатель. В целом подобная лексика подчеркивает пророческий дар персонажа, его умение управлять таинственными силами природы и человека. Действо совершается подобно древнему обряду, и Вэрморт сам творец этого обряда.

Нередко встречающиеся с именем перифразы образуют своеобразные формульные конструкции. Их несколько. Называние их, озвучивание, каждый раз словно оживляет в памяти знакомый образ, обновляет его энергию. В то же вре-

мя устойчивые словосочетания оказывают на читателя психологическое воздействие, возможно, близкое к воздействию на слушателя народного эпоса. Уточнение, расширение образа Вэрморта устойчивыми для данного текста перифразами, эпитетами способствуют организации особого ритма произведения: местами медлительного, словно топчущегося на месте, местами убыстряющегося и т. д. Таким образом, ритм непосредственно участвует в развитии сюжета поэмы-эпоса.

В переводе Вөрморт также оценивается с помощью перифраз и эпитетов, хотя их частотность значительно отличается от оригинала. Чаще всего, 24 раза, используется приложение *сьылысь-ворсысь* («певец-игрок»). Неоднократно имя усложнено словосочетаниями *бур сьылысь-ворсысь* («хороший певец-игрок») и *ыджыд сяма сьылысь-ворсысь* («большого умения певец-игрок»), соответственно 11 и 8 раз. Например:

*И Вэрморт из песнопевцев,
Домбры ветхой волнователь* [2, 54].

*И Вөрморт тиётти накөд кывтө,
Ыджыд сяма сьылысь-ворсысь* [2, 210].
(«И Вэрморт также с ними плывет,
Большого умения певец-игрок»).

Персонаж назван туном в сочетаниях *Тун-Вөрморт*, *Тун-волшебник*, *Вөрморт-тун* 13 раз. Красиво звучит выражение: «Джеджим парма вөрса колип» («Джеджим пармы лесной жаворонок (соловей)»). Однако наиболее часто имя встречается без оценки. Краткость, лаконичность имени в переводе экономит время высказывания, уменьшает его эмотивно-оценочные признаки, добавляет повествованию темпа. Замены и опущения приводят к сужению художественной функции образа Вэрморта.

В сочинении Жакова «Биармия» в образе Вэрморта как певца-сказителя многократно, разнообразно, эмоционально-возвышенно маркируются и оцениваются его магические свойства. В переводном же произведении в основном лаконично подчеркивается его песенно-поэтический дар.

Поступила 19.12.2016

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ванеев А. Е. К. Жаковлөн «Биармия»: поэма // Ванеев А. Е. Бөрйөм гижөдыс. Т. 3. Литература йылысь гижөдыс, очеркъяс, висьтыяс, ёрта сёрнияс, казтылөмъяс. Сыктывкар, 2007. 221–246 л. б.
2. Жаков К. Ф. Биармия: коми литературный эпос / сост., предисл., коммент. А. К. Микушева; пер. с коми М. А. Елькина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 312 с.
3. Котылев А. Ю. Музыкальная игра как тема, мотив и метафора в произведениях К. Ф. Жакова // Музеи и краеведение: тр. Национ. музея Республики Коми. Сыктывкар, 2001. Вып. 3. С. 316–321.
4. Латышева В. А. Певец зырянского края (Творчество К. Ф. Жакова). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. 128 с.
5. Латышева В. А. Төдтөм на коми кывбур тэчысыяс йылысь // Коми литература историйясы: учеб. пособие / Сыктывкарский университет. Сыктывкар, 1995. 102 л. б.
6. Лимеров П. Ф., Созина Е. К. Художественный мир К. Ф. Жакова // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография / науч. ред. Т. А. Смигирева, Е. К. Созина. Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар, 2014. С. 349–399.
7. Микушев А. К. Коми «Калевала» // Жаков К. Ф. Биармия: коми литературный эпос. Сыктывкар, 1993. С. 5–25.
8. Остапова Е. В. «Калевала» как один из источников создания художественных произведений на коми языке // Финно-угорский мир. 2011. № 1 (7). С. 11–15.
9. Остапова Е. В. Художествова гижөд вуджөдөм = Перевод художественного произведения: велөдчан небөг. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2012. 132 с.

“THE BIARMIYA” BY K. F. ZHAKOV IN THE TRANSLATION INTO THE KOMI LANGUAGE: the image of Vermort

OSTAPOVA Elena V.,

Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Philology and National Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia), ost-1966@yandex.ru

Introduction. The article poses the problem of the accuracy of the translation of the book form of the literary epic “The Biarmiya» into the Komi language on the example of the name structure of Vermort, one of the main characters of the work by K. F. Zhakov “Biarmiya”. The relevance of the work is based primarily on the lack of the research of this problem, the need to identify translational transformations while interpreting the text, as well as the characteristics of the reception of the work in reading in the Russian and Komi languages. The theoretical and practical significance of this work is based on the development of Translation Studies both in regional philology and in Finno-Ugric Studies in general. The novelty of the study is that for the first time the accuracy of the translation of the work by K. F. Zhakov “Biarmiya” on the example of the image of Vermort into Komi is analyzed. The object of the study is the work by K. F. Zhakov “Biarmiya”; the subject of the study is the specific features of the translation of the image of Vermort into the Komi language. The goal of the work is to reveal the translational transformations of the image.

Materials and Methods. The main method of research is comparative with the use of elements of the static method. The concept of translation is closely connected with the notion of interpreting the text in another language.

Results and Discussion. A special role in the original book belongs to epithets and emotional paraphrases that mark the magical functions of the image of the singer-narrator. The translation into the Komi language of the hero's name is characterized by brevity and conciseness. Substitutions and omissions lead to a narrowing of the artistic function of the image of Vermort. In the work by K. Zhakov “Biarmiya”, the image of Vermort, a singer-storyteller, reflects and evaluates his magical features, while in translation his song and poetic gift is mainly laconically emphasized.

Conclusion. The obtained results of the research allow making the necessary clarifications in the definition of the genre of the work. Further comprehensive comparative analysis of the original and translation of both the literary epic and the literary epics of the Finno-Ugric peoples will enable us to work out the most acceptable translation solutions. This work can serve to further develop comparative studies in the analysis of book forms of epics.

Key words: Komi literary epic; transfer; the structure of the name; paraphrases; narrowing of the image.

For citation: Ostapova EV. «Biarmiya» K. F. Zhakova v perevode na komi jazyk: obraz Vjermorta [“The Biarmiya” by K. F. Zhakov in the translation into the Komi language: the image of Vermort]. *Finno-ugorskiy mir* = Finno-Ugric World. 2017; 1: 59–63. (In Russ.)

REFERENCES

1. Vaneev AYе. K. Zhakovlön “Biarmiya”: poema [K. Zhakovlön “Biarmiya”: a poem]. *Böryöm gizhödyas*. T. 3. Literatura iylys’ gizhöd’ias, ocherk’ias, vis’t’ias, erta serniias, kaz’tylöm’ias. Syktyvkar; 2007. (In Komi)
2. Zhakov KF. Biarmiya: komi literaturnyy epos [Biarmiya: Komi literary epic]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1993. (In Russ.)
3. Kotylev AYu. Muzykal’naya igra kak tema, motiv i metafora v proizvedeniyakh K. F. Zhakova [Music play as a theme, motive and metaphor in the works of KF Zhakov]. *Muzei i krayevedeniye: tr. Nacion. muzeya Respubliki Komi* = Museums and Local History: Study of the National Museum of the Republic of Komi. Syktyvkar; 2001; 3: 316–321. (In Russ.)
4. Latysheva VA. Pevets zhyranskogo kraya (Tvorchestvo K. F. Zhakova) [Singer of the Zhyransky Krai (works of K. F. Zhakov)]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo; 2005. (In Russ.)
5. Latysheva VA. Tödtom na Komi kyvbur techysyas ylyys. *Komi Literatura Istoriyas: ucheb. posobie* = Komi Literature History: tutorial. SyktyvkarSKIY universitet. Syktyvkar; 1995. (In Komi)
6. Limerov PF, Sozina YeK. Khudozhestvennyy mir K. F. Zhakova [Artistic world of K. F. Zhakov]. *Permskiye literaturnyy v kontekste finno-ugorskoy kul’tury i russkoy slovesnosti: kollektivnaya monografiya* = Perm Literature in the Context of Finno-Ugric Culture and Russian Literature: Collective Monograph. Ekaterinburg; Izhevsk; Syktyvkar; 2014: 349–399. (In Russ.)
7. Mikushev AK. Komi “Kalevala”. *Zhakov K. F. Biarmiya: komi literaturnyy epos* = Zhakov KF. “Biarmiya”: Komi literary epic. Syktyvkar; 1993: 5–25. (In Russ.)
8. Ostapova YeV. “Kalevala” kak odin iz istochnikov sozdaniya khudozhestvennykh proizvedeniy na komi yazyke [“Kalevala” as one of the sources of the creation of works of art in the Komi language]. *Finno-ugorskiy mir* = Finno-Ugric World. 2011; 1 (7): 11–15. (In Russ.)
9. Ostapova YeV. Khudozhestvoa gizhöd vudzhödöm = Peregod khudozhestvennogo proizvedeniya: velödchan nebög. [Translation of the work of art: Velödchan Nebög]. Syktyvkar: Izd-vo SyktGU; 2012. (In Komi)